

III. «ЭТО ВО ВСЕ НЕ РЕЗОН. ЧТОБЫ СКАЗАТЬ: ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА КОНЧИЛАСЬ. ВРИ, КТО ХОЧЕТ»

6. ЗАМЕТКИ О КНИГЕ М. БАХТИНА «ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО»^[180]

М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. 1963.

Которое семя не умрет, то не возродится. Не буду маневрировать, даже если окажусь совсем один. Достоевский понял бы *судьбы марксизма*, а обыватели, и пострадавшие, и благополучные, — им этого не понять.

[с.] 3. От автора. Достоевский — великий новатор в области формы. Открыл *полифонизм*, это выходит за пределы романа

[с.] 5. Достоевский — несколько авторов-мыслителей, в том числе *не на первом месте* сам Достоевский. Автор учился у своих героев etc.

→ А у кого из великих романистов это не так? — Можно было бы говорить о том, что у Достоевского этот пучок [?] весьма расходится. Дело идет к II у а Аполлинера^[181]. Начало борьбы против цельности интеллекта, против разума. [На полях: Кто-то уже говорил, что полифонизм у всех. Но нужно учесть то специфическое, что имеет в виду Бахтин]

«Апоретика», которую приписывают Н. Гартману^[182]. Нет сомнения, что в этом секрет влияния Достоевского, но это уже *эксцесс*. В чем-то.

Что Достоевского нельзя свести к одной идеологической схеме, это совершенно верно, но означает лишь, что искусство включает в себе тождество и различие противоположных схем, т. е. является *действительной идеей*. Было глупо «метод [?] диалектич[еский] материализм»^[183]. Но было глупо что? — Разберитесь.

[с.] 6. Ломка [?] «монологической плоскости» романа

[с.] 7. Сравнение с *Байроном*. Верно ли? Вернее было бы с Вольтером.

[с.] 8. Сюжетные скрепы не имеют обычного значения, а «последние скрепы» — другие (автор не замечает, что он здесь противоречит себе — это, правда, не его личное противоречие. Действительно, «скрепы» у Достоевского — скрепы мысли. И если, с одной стороны, у него герои более бредут розно, то, с другой стороны, все они более голоса авторской мысли. Это так, ибо эксцесс объективизма, выходящего за рамки субъективной плоскости авторского слова, переходит в свою противоположность и как раз означает *перевес авторской субъективности*, сказ[авшейся] в этом отказе от собственного субъекта, смирении его. [Неразб.] авторского слова больше авторского субъекта. Слово здесь есть задерживающий мотив [?] объективности).

[с.] 8. Это полноправные *субъекты*, а не *объекты* (Бахтин)

[с.] 9. *Полифонический* роман против монологического или гомофонического. Примечание: это не значит, что у Достоевского не было предшественников

[с.] 10. [Неразб.] Бахтин различает *объектно-воспринятые опредмеченные психики социально-психологического романа* и *полифонию субъектов* Достоевского → Проще говоря, роман Достоевского есть роман *идей, мировоззрений*, а не просто «психики». Его герои дерутся [?], исходя из идей. Но в этом смысле голоса имеют общую плоскость! Различие они имеют как *объекты*.

[с.] 11. Уже совершенно запутал [несколько слов неразб.] Бахтин, утверждая, что [?] большинство, как Розанов, Вольнский, Мережковский, Шестов и другие монологизируют Достоевского при помощи антиномики или диалектики. Ибо диалектика, якобы, помещает мысли отдельных людей в плоскость общей мысли одного сознания. — Попробуйте как-нибудь иначе! Но иррационалистическая тенденция ясна. Это не ругательство потому, что Бахтин для меня не больший иррационалист, чем его критик А. Дымшиц^[184], хотя последний и является жалким эклектиком.

Всякий вздор дальше. «Мир Достоевского глубоко персоналистичен». Все логические связи остаются в пределах отдельных сознаний etc., etc. Почему же в пределах отдельных сознаний? — «Живой голос цельного человека», а логические связи подчиненное. Мысль как *idée* — *forse*^[185]

[с.] 12. Некоторое исключение для Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» в книге «Борозды и межи», Мусaget, 1916. Реализм, основанный [?] не на объективном [?] познании, а на *проникновении* [?] (*Einsicht*?¹ *Erlebnis*?² [знаки вопроса Мих. Лифшица]) *Герменевтика* [?]. Основа трагедии — солипсическая отдельность. Задача (диалектическая) познать Ты [?] не как *объект*, а как *субъект*. — Чья же это задача? *Герфев*, а не Достоевского. Словом, это похоже на выход за пределы «персонализма». И это этика, а не иррационалистическое изображение. Сие-то и не нравится автору ([с.] 13).

[с.] 12. *Мысль Вяч. Иванова* — герои Достоевского размножившиеся двойники автора — не лишена основания. У Достоевского как раз *очень сильно* (вопреки мнению Бахтина) в отличие от других авторов, рисующих другие фигуры как *объекты*. Если же верно, что у Достоевского другие люди более *субъекты*, то верно в том смысле, что Достоевский наделяет их своей пламенной и лихорадочной субъективностью, они похожи на него. У Толстого они более разнообразны и самостоятельны от автора и меньше у Толстого *нажима пера*, которое у Достоевского *постоянно*. Всегда чувствуем то *художественную карикатуру*, то желание возвысить, приписать что-то (ср., например, Алеша, дети и т. д.). Да и сам автор по минутно является в качестве рассказчика, сгущая краски. Обратное Бахтин — [с.] 16.

¹ Понимание, просмотр; благоразумие (нем.).

² Переживание; событие (нем.).

«Ф.М. Достоевский». Статьи и материалы. Сб. I, изданный под редакцией А.С. Долинина, 1922. Статья Аскольдова^[186]: «Будь личностью», основной тезис Достоевского — столкновение личности с общепринятым и «скандал» или «преступление». Дескать, у Достоевского лучше быть даже преступником, но личностью. → Какие все схемы, ниже Достоевского!

[с.] 16. По мнению автора, дело не в этом, а в том, что Достоевский сумел изобразить *живую цельную личность*, а не считал личность личностью, не предписывал [?] своим героям. — Тут автор снова больше словами отделяется. Сам же он говорит, что Достоевский *персоналистичен*, т. е. рассматривает людей не как социальные психологические объекты, а как *субъекты* etc. Есть это определенный *взгляд* или нет? Если есть, то значит он просто *не этичен*, а *аморален*, что ли. Как будто можно *изображать* без оценки, без взгляда.

[с.] 17. Низводить героев до простой иллюстрации нельзя. Это монололизация. Более поздняя статья Аскольдова «Психология характеров у Достоевского». Сборник «Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы». Сборник II, 1924. Отдельные, мол, лишь наблюдения. Психологический анализ.

Формула Вяч. Иванова «ты еси» (субъекту) адекватнее формулы Аскольдова «будь личностью»

[с.] 18. Леонид Гроссман. Поэтика Достоевского, 1925. Главное значение Д. не столько в философии, психологии etc., а в создании новой гениальной страницы европейского романа [← почти цитата из Л. Гроссмана] → как будто одно исключает другое. Так и Бахтин — перевод в плоскость феноменологического исследования художественной формы будто *заменяет* проблематику содержания.

Гроссман: Нарушение целостности, соединение разнороднейшего. Вызов основному канону эстетики. Единство философского замысла.

[с.] 20. Будто бы (Бахтин) разнородный материал не принимает «отпечаток личного стиля и тона» (Гроссман [это мнение Гроссмана]) у Достоевского. Достоевский *над* личным стилем. → Ой, ли?

[с.] 21. С точки зрения монологического понимания стиля роман Достоевского *многостилен* или *бесстилен*. Эйнштейновская вселенная. Многомирность, *разномирность*.

[с.] 21. Л. Гроссман. Путь Достоевского. Л., 1924. Исключительное значение *диалога* у Достоевского. Этот диалогизм — борьба *вервы* и *гуманистического скепсиса* в миров[оззрении] Достоевского [такова точка зрения Гроссмана]. Верно, мол, [полагает Бахтин] что каждая точка зрения становится живым существом

[с.] 22–23. Но у Достоевского не *драматический диалог* и не *драматизация философского диалога*. Не драматическое развитие материала «на твердом фоне единого предметного мира» [—] «целое взаимодействия нескольких сознаний» (→ т. е. плюрализм?)

[с.] 24. → Вообще говоря, пустая игра словами. Диалектическое противостояние безысходно. Etc., etc. → Ну и вздор! Величайшая сила — нет безучастного «третьего» [полагает Бахтин].

→ Верно лишь то, что речь идет о *драме мысли*, а не о драматическом столкновении внешних сил, *точнее*, эти силы выглядят как духовные, т. е. выступают в их нравственном повороте, понимая под нравственностью взаимоотношение целого. И не о драме мысли с точки зрения чистого разума, с преобладанием познания, которое дает указание действию. Это диалог страстей. *Теоретизация страстей, философский диалог чувств*, т. е. выход за пределы рассудочного противопоставления понятий — это, действительно, характерно для Достоевского. Его *идеи* — жизненные движущие силы, *idées — forces*. Но и это собственно не конкретное отличие. Это уже бывало в XIX веке. Дело, однако, в том, что у Достоевского есть действительно одна общая черта «построения» — он, как Дидро в «Жаке Фаталисте», дает *версии*, связанные с развитием определенных *возможностей*, и мы отчасти их все принимаем, но, разумеется, они *обламываются* в ходе действия. Именно ни одной не дает Достоевский *торжествовать* и *переворачивает* их. Своего рода демократизм формы, но доведенный до известного «надрыва».

[с.] 24. Бахтин, конечно, берет свою схему у *Otto Kaus, Dostoevski und sein Schicksal*¹. Berlin, 1923. → Это *отчасти* та же борьба против всеобщего навязанного *либретто*, что и у Герцена, постоянное *переворачивание*, нарушение *ожидания*. Жизнь, не сводимая на абстрактные представления.

Отчасти же то, что сам Достоевский *при всем желании своем* справиться с [безобразиями — ?] и *отдать чему-то предпочтение*, все же не в силах свести концов с концами и это не сила, а слабость. Но, конечно, сила, ибо гораздо хуже было бы, если бы он следовал советам Бахтина и других и распустил [?] бы систему информации так, что остался бы только шум.

Однако Каус — марксист или quasi-марксист. Он видит суть дела в капитализме, который *сталкивает* различные миры Достоевского. Все спокойное кончилось, все дышит противоречием.

[с.] 26. Бахтин соглашается с Каусом, даже считает, что именно в России это кипящее столкновение миров и должно было породить полифонический роман. → Положим, все это очень абстрактно. Дело еще и не в столкновении миров, а в том, что капитализм сплелся со старым злом и создал *чудовищное либретто* развития сверху, по указке, которое порождало тем более рьяный [?] бунт карамазовщины против всего этого. И роман Достоевского отражает не какое-то абстрактное многоголосие — тут из тезиса Кауса следовал бы скорее хроматизм, а не разобщенность субъективных миров, — этот роман отражает *кризис отношений высокого и низкого*, откуда находимые [?] Достоевским нарушения благолепной иерархии повествования, пародизация романтически-героического, ставшего пошло либеральным, развитие низкой темы, [неразб.] ее.

¹ Достоевский и его судьба (нем.).

Одним словом, это, конечно, некоторый кукиш классической форме романа, но не в смысле какого-то незрелого[?]-формального многоголосья, а в смысле *внутренней сатурналистичности* его формы. Словом, общее, целое есть и оно заключается именно [в] этой драме переворачивания, что отлично вяжется с христианским, хотя и еретически-христианским характером его мировоззрения. За полное православие этого мировоззрения я бы не поручился.

[с.] 27. Критика Кауса — слабая. Но видно, что основная идея взята у него. Будто бы недостаток Кауса в том, что он непосредственно переходит в плоскость действительности!! (Нет).

В. Комарович. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство. Сб. 2. Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II, 1924.

В «Подростке» пять обособленных сюжетов, слабо связанных фабулой. Единство не сюжет дает, Достоевский переносит клочки *в себя*. → Все врут как могут, лишь бы поэтичнее.

[с.] 28. Слово «полифония» Бахтин стащил у Комаровича, хотя вменяет ему в вину, что он будто бы «монологизирует» под влиянием монологической эстетики Бродера *Христиансена*. Единство романа — жизнь, волевой акт Достоевского. Бахтин критикует Комаровича в духе плюрализма.

[с.] 30. Б.М. Энгельгардт. Идеологический роман Достоевского. Сб. II, 1924.

Автор очень хвалит его. Герой Достоевского оторвался от традиции, почвы, земли, «разночинец» из *случайного* семейства [?]. Он беззащитен против действительности [?], становится одержимым идеей, *идеей-силой*. Историк «случайного племени» становится «историографом идеи», которая ведет самостоятельную жизнь. Вместо биографической доминанты (Толстой–Тургенев) — *доминанта идеи*. «Идеологический роман».

→ Однако и это не вполне. И Толстой, и Тургенев по-своему *идеологичны*. Главное, что *идеи-люди* у Достоевского ведут лихорадочную жизнь, зараженные болезнью сатурналистического переворачивания. Самая болезненная острота переживания *неравенства*, иерархии *верха* и *низа*, переживания, которые становятся возможными, конечно, на почве именно сталкивания, слияния, перемещения самостоятельных миров.

[с.] 30, 31. Энгельгардт. Не философские романы, не идейные романы, а *романы об идее*. → Вопрос в том, *как это может быть романом* и притом таким захватывающим? Да, дело в том, каковы эти *идеи*, почему они так *лихорадочно живут*? Это можно вывести только из их содержания, а формальная сторона — идеологич[еская] нескладница [?], неравновесие, безудерж, *сатурналия равенства*.

[с.] 31. Уже у Э[нгельгардта] — «многопланность», каждому герою мир дан в особом аспекте. → Не в особом, а в равноправном, восстающем против *господствующей версии*, преимущественно порядка.

[с.] 32. «Распад бытия», «онтологического единства» (Энгельгардт) → Так ли? Скорее — [неразб.] пробуждение этим истинно онтологического единства.

Три плана: среда (механизм)

почва (организм [,] развитие природ[ного] [?] духа [?])

земля (истинная свобода, третье царство любви, равенства etc.)

Основные темы по планам:

I.

1) Тема русского сверхчеловека («Преступление и наказание»)

2) Тема русского Фауста (Иван Карамазов)

II.

1) Тема «Идиота»

2) Тема страсти в плену у чувственного «Я» (Ставрогин)

III. Тема русского праведника (Зосима, Алеша)

Единый путь «к безусловному утверждению бытия» [Энгельгардт] [с.] 34–35. Якобы у Достоевского *нет авторской концепции*, объединяющей миры героев^[187]. Нет последнего слова. → В такой нелепой [?] форме Бахтин выражает тот факт, что образы Достоевского, как всякого великого писателя, *сильнее* его схемы.

Вообще «персонализм» и «плюрализм» Бахтина (как и всякий подобный) имеет то реальное основание, что образы-герои романа *близки к реальности*, т. е. не являются простыми конструкциями авторской мысли, и ведут как бы *самостоятельное* существование. Но эта мысль изворачивается в идеалистическом духе — в духе иррационального отрицания общей духовной, интеллектуальной плоскости романа. Это разрушение сознания есть одновременно чрезмерное возвеличение вещественного мира и отождествление его с суб[ъективным] фактизмом. Это крайний релятивизм и отрицание *всеобщего, истины* в мире.

[с.] 35. У Достоевского нет становления (единственный замысел «Жизнь великого грешника» остался невыполненным. В. Комарович. Ненаписанная поэма Достоевского. Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. I. М. — Л. 1922.

[с.] 35–36. Всякая чушь о Дантовском мире. У Достоевского нет развития, одно лишь созерцаемое противостояние etc. Эволюция его романа не есть диалектическое становление духа. *Гегельмански* понятый становящийся дух ничего, кроме монолога, породить не может. «Мир Достоевского глубоко плюралистичен». → Глупости! Плюрализм такой же монолог, как скверное гегельянство. А хорошее гегельянство вовсе не «монолог» в смысле абстрактной схемки. ← Образ мира Достоевского — *церковь etc.*, etc., где сойдутся раскаянные и нераскаянные etc. → Да это весьма декадентская церковь. Реальная вовсе не такова.

[с.] 37^[188]. Оговорка: и «гегелевский дух» и «церковь» одинаково уводят от дела.

→ Непонятно — что такое «гегелевский дух» применительно к автору романа? Очень уж туманно. Разве что в смысле «либретто»?^[189]

[с.] 37. Романтика... ответ гегелевской концепции (?)

[с.] 37. Опыт социологии. Сама эпоха была такова. В социальном мире планы были не *ступенями* [у Бахтина — этапами, с. 32], а *станами* [?! —

знаки и скобки Мих. Лифшица]. Многоплановость эпохи. Достоевский переходил от стана к стану, но не придал своему опыту монологического характера (т. е. не свел концов с концами?) → Идеал *несведения концов с концами*. Конечно, поспешное сведение — дурно, но глубокая драма мысли это вовсе не тот принципиальный апофеоз обывательского «ни туды и ни сюды».

[с.] 37. *Противоречие между людьми, а не между идеями в одном сознании.*

→ Вздор, иррационалистический притом! Противоречия в реальном мире могут быть только противоречиями *одного* бытия. Если бы миры были совершенно различны, то никакого противоречия бы не было.

[с.] 38. Не становление, а [со]существование и взаимодействие. Мир в пространстве, а *не во времени*. → Ну и вздор! Чистый «монолог»!

1) Как же может быть взаимодействие не соприкасающихся, не имеющих общего основания миров? Придется [?] сослаться [?] на Гегеля.

2) Достоевский[-]то именно говорит о *времени*, о распавшейся [?] связи миров. Он отражает [?] современное состояние, он социален, газетен.

3) Единственно, что можно сказать, что эти проблемы остро чувствуемого времени Достоевский пытался [?] решать с точки зрения вечных проблем, он уходит из реального мира истории в мир религиозной идеологии [?]. Это его монолог.

[с.] 38. Противоположность Гете и Достоевского.

[с.] 39. У последнего, мол, состояние в разрезе одного момента, а не развитие. → Мало ли говорили о *пластической пространственности* Гете, о его *вечности* etc. вневременности. ← Отсюда *пары, двойники, раздвоенность*, а не последовательность, мол. Отсюда склонность к массовым сценам. Отсюда «единство времени», вихревое движение. *Далее это рассусоливается.*

→ *Раздвоенность*, конечно. К этому склонность имеется у Достоевского. Но разве это исходит из того, что писатель не знает развития? Нет, из того, что развитие это — не плавное, переходящее от этапа к этапу, а дошедшее до *внутренней расщепленности, внутреннего противоречия в одном лице*. Не потому раздвоение, что нет развития, а потому, что оно *концентрировано до крайности в одном моменте*. Отсюда и сведение многих лиц и единство времени. Словом, разница [?] просто в революционном, кризисном характере его романа. С таким же успехом можно было бы назвать революцию — неподвижностью, моментом, одновременностью и противопоставить ее развитию.

[с.] 39. «Возможность одновременного существования» (двойники etc.) → Наоборот, именно *невозможность* одновременного существования доказывает роман Достоевского. → Совершенное в общем непонимание Достоевского. Одно дело сказать, что у Достоевского все изображенные силы имеют свое право, свою аргументацию, свою реальность. И совсем другое сказать, что они *сосуществуют*. Они именно сосуще-

ствовать не могут! Это острейший кризис, изображенный нашим [?] великим [?] писателем, а не плюралистическая мудрость обывателя в стиле Джемса^[190], признающего, что все добро, все истина, все имеет право на [неразб.] существование, лишь бы оно было субъектом.

[с.] 40. Нет, мол, картин прошлого, кроме ранних произведений. Как!? Даже непонятно, как может это сказать знаток Достоевского. — Герои не имеют *биографии в смысле прошлого* (?!). Только то, что не перестало быть настоящим — обида etc. → Все помнят из прошлого то, что не перестало [?] быть настоящим! ← У Достоевского нет ни причинности, ни генезиса, нет объяснений из прошлого (?). Нет влияния среды, воспитания [?] (? и пр. Митенька на заднем дворе?) → Глупости! Нет просто медленного разворачивания действия. Есть уже как в драме *аналитический ход развязывания*.

[с.] 40. Все, мол, *настоящее* (не детерминирование прошлым) и потому *свобода*.

→ К сожалению, нельзя так *монологически* писать исследования о писателе, так, что они теряют самостоятельность и становятся доказательством каких-то модных идей, которые любя автору.

— Это, мол, не от мировоззрения Достоевского, а от того, что он был способен лишь так видеть и изображать. Но это отразилось и на отвлеченном мировоззрении Достоевского. У него нет генетического и каузального мышления. Он постоянно [?] полемизирует с теорией среды etc. → Да ведь с теорией среды он полемизирует не потому, что способен видеть лишь *одновременное*, а потому, что *теория среды* для него *историческое явление, ставшее* (Бернары) и приводит к современному *разложению и цинизму*. Оказывается, и *генезис* и *каузальность* есть у Достоевского: И. Карамазов *дал повод Смердякову убить* (почти «ученик» Бурже^[191]). По Достоевскому, И. Карамазов только одной стороной виноват, а другой нет, ибо он *ищет, и на пути* (так как будто и сказано у Достоевского), у него больше [неразб.]

Прав лишь в одном отношении, что по Достоевскому теории каузальности и генетизма суть орудия разрушения нравственности, т. е. *причины и генезиса*. Поэтому Достоевский не то что не видит причин, по своему «видению», он борец против теории, которая путем введения причинной связи хочет устранить субъективную ответственность людей за их поступки.

[с.] 41–42. Слабость Достоевского — многого не видел, но зато то, что видел, он видел многосторонне etc. Видение Достоевского замкнуто в этом мгновении раскрывшегося многообразия^[192] → Что тут видение? Способ видеть? Формальные черты [?] *Верно*, но уводит в сторону от понимания, от содержания, от истины. Очень не понравилось бы Достоевскому, когда увидели бы в нем новое ухищрение бернарское, как бы увести в сторону от основного вопроса — от истины, от добра и зла. Клевета на Достоевского весь этот полифонизм!

«Видение» — релятивистично [?], нейтрально к истине. Это перевод с Schau^[193].

Видение — одни видят все *во времени*, другие *в пространстве*^[194].
Почему? Иррационально.

Нет, люди (писатели) «видят» так или иначе, потому [что] думают так или иначе, думают они может быть бессознательно для самих себя, но это *мысль*, а не природная [?] ограниченность [?][Далее фраза неразб.]

Зачем этот маскарад? Я уважаю Бахтина, который прямо указывает на свои истоки, говоря о *персонализме и плюрализме*. Я уважаю Бахтина, который прямо утверждает, что не диалектическое развитие дает силу Достоевскому, а именно его *неподвижность*. Это точка зрения, с которой можно спорить. А вы что? Маневры? — Достоевского на вас нет.

[с.] 42. Особая одаренность Достоевского слышать все голоса, кот[орую] можно сравнить только с Данте. *Объективная сложность и противоречивость, многоголосность эпохи, положение его [как] разночинца и социального скитальца* etc., etc. (?) → Какая эпоха не *многопланова*? [Фраза неразб.] Именно старая многоплановость в России рушилась в это время.

[с.] 43. Единство есть, но нет философского etc. и не потому, что не вышло, а потому, что Достоевский не хотел.

[с.] 44. Он дает как бы социологию сознаний. Все мысли героев — реплики незавершенного диалога. Нет стремления и системно-монологического единства. «Художественная воля» Достоевского.

[с.] 45–46. А. Луначарский о «многоголосности» Достоевского. Луначарский разделяет взгляд Бахтина, одобряет его *в основном*. Луначарский в общем принимает мысли об объективном существовании образов. И он лучше понимает социальную природу, условия — [с.] 46.

[с.] 47. Бахтин возражает — у Шекспира полифоничности не было (сложившейся). Драма чужда полифонии, она не может быть многомирной → Но Достоевский вовсе не плюралист.

Аналогию Достоевского и Бальзака проводил уже Гроссман. Бальзак не преодолевает объектности своих героев. → Мура какая-то о *суб[ъективных] мирах*.

[с.] 48. Луначарский старался объяснить полифонию раздвоенностью Достоевского. → *Нескладница* у него действительно была. Это — противоречия случайного человека, противоречия личности, мелкобуржуазность.

[с.] 49. *Переживет ли «полифонизм» Достоевского капиталистическое общество?*

→ Второй раз не повторится, но что же войдет в новый сплав? Не «достоевщина»

[с.] 50. Особенно подчеркивается необходимость не социального, а формального анализа. Соц[иальное] только создает условия etc. → Вздор! В. Кирпотин. Ф.М. Достоевский. 1947.

[с.] 51. Дар видеть чужой психики «*видения*» и объективно-реалистическое видение противоречивого коллектива чужих психик.

[с.] 54–55. В. Шкловский. *За и против. Заметки о Достоевском*. 1957.

[с.] 55. Не объектен. Важно — позиция героя в смысле точки зрения на мир. Не имеет готового взгляда etc. (нескладица), но что-то верное — то, что Достоевский [неразб.] в кипении, *сам ищет вместе с героями*, а не *изображает, как люди ищут*. Разница, впрочем, относительная.

[с.] 57. Диалогизм

«Творчество Ф.М. Достоевского». АН СССР, 1957. Гроссман «Достоевский-художник», 2 стороны композиции, музыкальный характер композиции, *punctum contra punctum*¹.

[с.] 59. Все в жизни диалог.

[с.] 61. «Надсловесное, надголосое, надакцентное единство полифонического романа»

[с.] 63. У Достоевского социальное положение etc. все является *предметом рефлексии самого персонажа*, а автор имеет дело с этой *функцией самосознания*. → а) *Не всегда*. б) Через слова и мысли героя автор все же сам, и мы с ним, видит *реальный мир и бытие того или другого человека*.

Верно, что *красками для этой живописи является у Достоевского само сознание и речь героя*, но живопись дает все же объективную картину жизни, иначе Достоевский был бы ничем.

Можно еще сказать другое; что бытие и социальность для Достоевского — он угадывает это — не есть — не есть просто социологический факт, а есть *всеобщее отношение* и потому выступает в нравственной и идейной вообще форме. Это именно — заслуга Достоевского, а вовсе не какое-то видение и композиция только [?], Достоевский был далек от мысли, что достаточно *по-другому увидеть* мир, чтобы решить вопросы бытия, и *стоит этим заниматься*.

[с.] 64. Разница между гоголевским героем и героем Достоевского. *Верно*, что у Достоевского все через самосознание → в чем тут дело? В том, что у Достоевского *те люди, которые были раньше объектами наблюдения*, становятся *субъектом*. Не их самосознание вообще изображает Достоевский, а их *возмущенное, ищущее самого себя самосознание*. Изображает ли Достоевский самосознание Тоцких, делает ли он их субъективный мир равноправным голосом? Ничего похожего. Если же он и рассматривает как достойное рассмотрения внутренний мир дурных и зловредных [?] представителей правящего слоя, то потому, что это тоже *бунтари*, которые прежде [?] слишком уж скованы были объективностью своего собственного строя.

Где у Достоевского *внутренний мир Петра Верховенского*? Он остается для Достоевского объектом, мы можем только догадываться, что в этом объекте совершается какая-то работа мысли. Лакей Смердяков развит более полно из себя. Многие даже более интересные персонажи остаются только отдаленными [?] светилами, внутри которых [два слова неразб.] горит вечно пламя мысли, вспыхивают огненные бури. Но что там такое происходит, мы собственно не знаем. Разве что применим спек-

¹ Здесь: позиция против позиции (лат.).

тральный анализ — во всяком случае автор дает больше нам лишь понять, что эти личности находятся в состоянии неуправл[яемой?] внутренней реакции, однако мир вовсе не изображается, исходя из их субъективной жизни. Они загадочны. Таковы Ставрогин и Свидригайлов.

[с.] 65. *Не дурно* о том, что автор у Достоевского весьма уходит из себя в произведение. Он пишет *не извне, а вносит элемент психологической окраски самого героя, того, как он видит мир* — элемент стилизации, а стилизация есть игра рефлексии, состоящая в том, что *автор подчеркивает относительность всякого восприятия, его условные, историч[еские], социальные и тому подобные черты*. Происходит отождествление автора с персонажем. Автор говорит его языком, он не внешне описывает, а *описывает описание и описанием*. Позиция автора мета-«в́идение».

Но, по мнению Бахтина, Достоевский ограничивается этим *уравнением* автора и героя. На самом же деле, давая полное глубокое раскрытие психологии и идеи героя, Достоевский тем самым *снимает относительность сознания* («полифонию»), *возвращает наш взгляд к объективности путем отрицания отрицания*.

Достоевский не вообще отождествляет [?] автора и читателя с персонажами, а [у него] такое отождествление, которое дает в конце концов *возвышение автора над ними*, охват их точек зрения более широким взглядом. Есть и другое отождествление (типа отказа от сознания, *отождествление с вещью*), которое создает лишь иррациональность. Но это — не удел таких людей, как Достоевский.

[с.] 65. «Коперниковский переворот» Достоевского — самосознание = «действительность второго порядка» → хотя и [неразб.], но что-то верно.

А когда хорошо, то что же это?

Следовательно [?], иногда нет исходного [неразб.] анализа героя, а иногда есть, но это не хорошо. Попытки проникнуть в мир персонажей и исходить из него иногда бывают и неудачны, например, анализы духовного мира доброго исправника, местных помещиков и правящих персон и т. п. Лучше было бы изобразить их методом Гоголя, *извне, как животный мир*, а так — непоследовательность [?] и неправдивость [?].

[с.] 66. Рядом с миром самосознания героя «другой объективный мир» — «мир других равноправных с ним сознаний»^[195].

И не равноправных. И не было бы *это объективным миром*, ибо объективность не есть чужое сознание. Вернее вообще говорить не о том, что *сознание вбирает в себя предметный мир* (с. 66), а о том, что Достоевский изображает *предметный мир как бы слегка окрашенным* точкой зрения его героев. Прибавляется *некая кривизна наблюдения*. Но так как эта кривизна принята во внимание — изображена, то она сама становится *истиной, прямотой*, а ее ложные действия парализуются, а ее действительное содержание выступает на первый план — а именно *содержание*, которое включает в себя и место и роль субъекта, является предметом и как субъект. В этом смысле С [неразб.] или кто-то другой утверждал, что

нет в истории фальшивых грамот. Так и Виппер [?] писал — важно не только, что это обман, но и то, как и почему обманывает. Обман = истина. *Таким образом*, художественное произведение включает в себя картину не только объекта, но и отношения к нему действующих субъектов, т. е. берущее субъект и объект в их исторической связи и развитии есть произведение вполне реалистическое, смысл которого именно в том, что оно преодолевает кривизну субъективного, делает субъективное вполне объективным. Это *отрицание отрицания*.

А по *Бахтину* выходит, что Достоевский не освобождает человеческое сознание от кривизны, от «видения», от видения если угодно, *сдается* перед нею и отождествляется с [неразб.] ложью мифов. Это модернизированный Достоевский.

Разница между подобным *иррационалистическим* отождествлением нашего сознания с его предметом, этим эксцессом сложности, и диалектическим пониманием сознания как элемента, входящего в объективную картину объективного развития. В первом случае — *самосознание, контроль*. Во втором случае [неразб., вероятно — добровольный поход] в дураки.

Поперечно-полосатые идеи

Почему я это так болезненно воспринимаю? Есть ли тут какая-нибудь страсть [?], предрассудки [?], суб[ективные] [неразб.]. Да, есть. Потому что ежели так — за что боролись, за что кровь проливали?.. Когда я вспоминаю... Я спрашиваю себя, неужели я... И мне стыдно за тех людей, которые всегда брали более высокую ноту, чем я, всегда били себя в грудь и гордо смотрели окрест как представители ортодоксии, а теперь так легко меняют мундиры, становятся уже не красными, а розовыми или совсем поперечно-полосатыми.

Я вам, конечно, неудобен, я это очень хорошо знаю, и это неудобство не сегодня родилось. Но вам придется с этим примириться раз уж не сумели удержать этого неудобного раньше, а сегодня руки коротки.

Поперечно-полосатая теория «видения» не может не вызывать возмущения у всех, кто изучал М[аркса] и Л[енина], кто следует завету Ленина [далее несколько слов неразб.] и кто не виноват в том, что лихие [?] ортодоксы превратили ее в бог знает что. [далее несколько фраз неразб.] ...но о том толковать не будем. Скажу только, что если во имя истины [?] делали злоупотребления и во время первоначального христианства, и во время [неразб.], и в наши дни, то это вовсе не резон, чтобы сказать: объект[ивная] истина кончилась, ври, кто хочет.

К Бахтину

Совершенно полифоничным может быть только мычание [молчание?]. Теория плюрализма тоже теория, требующая единства, и Бахтин даже весьма догматичен, деспотически [?] поступая с героями Достоевского, более деспотичен [?], чем сам Достоевский.

Стало быть, нужно указать границы *допустимости единства* (принимая, что оно может стереть своеобразие). Взгляд, предложенный русской критикой XIX века, давал эту меру (*вопреки и благодаря*).

Бахтин 2 [текст в другой тетради]

[с.] 66. Критика Белинского. Он воспринял Голядкина и Девушкина как продолжение героев Гоголя, только с прибавкой самосознания. Гуманность. А нужно было понять, что Достоевский просто хотел представить Голядкина и Девушкина как более *самостоятельные сознания*, чем гоголевские *социально-характеристические образы*. Сознание вбирает в себя все. Что же это → все-таки автор талдычит что-то двусмысленное: то ли перед нами *драма сознания*, а не *угнетенность* мелкого чиновника? То ли суть Достоевского в том, что он подтверждает факт *существования самостоятельных солипсических миров*? Если драма одинокого сознания, то это может быть неправильно, но это историческая *simplicitas*^[196], а не в пиквикском смысле Бахтина.

[с.] 67. «Чистая функция осознания себя и мира»^[197] — тоже герой Достоевского. Он не гоголевский. Но почему же именно в Голядкиных да в Девушкиных так пышно проявляется эта функция? Герой, он же «мечтатель» и «человек из подполья». Чистая рефлексия, в которой все растворяется. → Главный враг — твердые черты во всем. Идеал растворения в полифонии.

[с.] 68. Болтливое и пустое сравнение и противопоставление с *Расином* (это, как и сравнение с Данте, лишено исторической точности, неконкретно и необязательно).

[с.] 68. «Герой Достоевского — весь самосознание»^[198]

[с.] 68–69. Два типа единства — монологическое и не-монологическое. Для него почему-то не монологический = не «раз навсегда законченный образ действительности» = сознание. Если под монологическим понимать *схематическое*, что так и излагается ([с.] 68–69), то скорее наоборот — чем больше *в объективную действительность*, тем больше «полифонии». Автору тут не ясна его собственная проблема. Дело не в переходе от объективного изображения к субъективному полифонизму, дело не в том, что Достоевский будучи «в этом смысле глубоко объективен» тем самым расправился с твердой действительностью, а дело в том, почему в определенных условиях и на определенной ступени художественная объективность неизбежно должна представлять читателю мир рефлексии. Почему? Да не потому, что у Достоевского такое «видение» и баста, а потому, что он должен был увидеть то, что было *видно*. Действия героев бывают более или менее подвластны [?] их собственной рефлексии. Например, в «Одиссее» много ли вы ее найдете? Но в «Адольфе»^[199] ее достаточно. А чем больше? Подумайте сами. Впрочем, скажу: чем больше человек оказывается в тисках необходимости и сознание его, развиваясь, тем больше не находит выхода, чем больше оно [?] развивается — вот тут-то и рождаются *Бл. Августин или Достоевский*.

Книга интересная. А что такое интересное? Почему на него такой спрос? Не интересная истина — и вот скука стала признаком истины и в глазах ортодоксов, и в глазах уставших. Вообще говоря, только истина может быть интересна для человека. Но противоречий сколько угодно — интересное [?], но... Но либо не слушай, а врать не мешай. И бывает, что «интересное», даже если оно не шибко правильно, заключает в себе все же какую-то вывернутую наизнанку, экстравагантную версию истины, или, по крайней мере, дразнит воображение. Но в конце концов единство истины и истина возвращается.

Сказать откровенно, книга мне быстро наскучила. [Зачеркнуто: Ей не хватает именно полифонизма] Одна и та же схема. Заранее объявленное потом наполняется более или менее достоверными [?] наблюдениями. Какая же это схема? ...

Однако в этом отношении сам Бахтин чрезвычайно монологичен, он не дает нашему сознанию, которое преимущественно [?] является зеркалом предмета [неразб.] слова сказать, а известно, что слушать чужие монологи скучно. → Если бы дело было только в романе идей, то Дидро также и гораздо раньше предлагал чистейшую полифонию, за что его прежде очень ругали, а теперь именно хвалят.

Если особенность Достоевского в том, что он не развивает одну мысль устами многих героев, а представляет различные мировоззрения, то что ж это за мировоззрения, которые не различаются по тому, как *они решают общие проблемы*? Но возможно было бы сказать, что у Достоевского герои не столько мысли о мире развивают, сколько излагают свои бедствия, проистекающие из того, что в них отражается общая *мировая нескладница* и они не могут из нее выйти, потому что *все выходы, предлагаемые их собственным сознанием, отвергаются их рефлексией* как заикливание [?]. Сказать, что мировоззрением отличаются герои, — мало. Скорее здесь *бесконечная рефлексия, не позволяющая развить никакое [?] мировоззрение*, за исключением некоторых конструктивных [?] героев.

Вообще универсальные суждения о героях Достоевского. Не получается только частно-утвердительное и целый ряд их. Смотря какие герои! Или же Бахтин должен сказать — этих я не считаю героями, но исключить из их состава Зосиму, Алешу, Мышкина едва ли возможно.

[с.] 69. *Пример.* «Записки из подполья». Достоевский все отдает герою, герой *все знает о себе сам*, т. е. предметом изображения является *рассуждение героя*, а не его *мысль*. Но «Точка зрения извне как бы заранее обесилена и лишена завершающего слова». *Это уже неверно. Наоборот.* Через *изображение*, которое есть *извне*, мы возвышаемся над *рефлексией*.

[с.] 70. «Человек из подполья». Старающийся *забежать*, для которого важно, что о нем *подумают другие*. Понятие «*подполья*» — прекрасно [?] и *здорово* мне нужно для характеристики модернизма^[200]. Но что *Достоевский не излечивает от подполья, это вздор*. Не излечивает, по-

ложим, того, кто неизлечим. Ибо подполье — рак, пока не поздно, нужно оперировать.

[с.] 70. Он «смотрится в зеркала чужих сознаний». Последнее слово за ним («маковка»), его самосознание. → Сомнительно, чтобы маковка действительно оставалась за рефлексией в действительном смысле слова. Что такое круговорот рефлексий? Своего рода [неразб.] эгоизм. Каждый боится стать *объектом* для другого, т. е. отразиться в его зеркале и стать *подчиненным, понятным, вещью*. Это — неустанная [?] жажда субъективности, вытекающая из общего духа внешней подавленности. Но вопрос в том, освобождает ли от «объективности» рефлексия? Если я сделаю [?] умственную операцию, то все будет хорошо. Так ли это? *Наоборот*.

Я обманываю себя. Я зависим от того, что *обо мне думают*, как выглядит для другого то, что я делаю, меня можно дергать за ниточку... А почему бы мне не быть *объектом* для других? Не буду ли я более свободен, более *субъект*? Я выше этой дребедени. Это та же рефлексия? Да, но путь к объективности, выход из дурного субъективизма.

Пример любви у Сартра — *rétrifier*^[201]. А не свободен, не субъективен ли человек поистине [?] *вдвоем*?

У Достоевского ужасная гипертрофия и сублимация разрозненности, одиночества, эгоизма маленького человека. И что изображая это явление, Достоевский целиком подчиняется ему (с. 71). Это — хула. Нет, он не производит [?] никаких корректур [?] à la прогрессивный романтизм Марлинского^[202], т. е. вроде брехни [?], но, *изображая, освобождает нас*.

[на полях: по Бахтину (с. 71) моральные пытки *растворяют все вещное*. Эта боязнь вещиности — движущий психологический мотив, а художник Достоевский все же изображает эту рефлексию как объективный процесс. Вещное растворить нельзя. *Гипноз, а не доказательство*.]

[с.] 72. Достоевский лучше экспрессионистов

[с.] 73–74. «Кроткая», предисловие. Фантастично введение *стенографа*, который как бы записывает размышления героев. Суть дела *стенография рефлексии*. [Неразб.] Бахтин предлагает признать [?], что дело здесь в *правде собственного сознания*. Qu'est-ce que c'est?¹ Если то, что в этом движении рефлексии личность ищет истину путем честной [?] *исповеди* — это верно. И прекрасно, что человек *не лжет себе*. Но еще важнее то, что он *раскрывает истину*, т. е. определенное содержание, состоящее в той *роковой силе собственного сознания, кот[орое] его гнетет*. Сила эта не просто внешняя сила — это верно. Она отчасти в нем самом — это *глубокая истина*. В нем карамазовщина, в нем бесы, в нем и т. д. Глубокое, мелочное [?], внутреннее, сидящее в каждом *факство*, утверждение его собственной субъективностью, с волей, с охотой, и грозящее [?] *заразить* самые лучшие искания [?] человечества, включая сюда демократию и социализм.

¹ Что это? Что это такое? (фр.).

А у Бахтина выходит, что эта субъективность и есть какая-то самоутверждающаяся [?] правда. На деле это сознание слабости, истинная казнь [?], предзнаменование [?] опасность[и?]. То, что *ужасало Герцена*. Д., конечно, [неразб.] и отчасти ученик Герцена недаром, например, у Крамского эти два влияния совершенно сливаются. Достоевский и Герцен и опасность *мертвой* [?] цивилизации и *вульгарного демократизма, и анархии, и развязанного субъективизма*. И теория *вины и круговой поруки (антилиберальная)*.

[с.] 75. Мир Толстого будто бы монологичен. У Бахтина явно два смысла слова «монологичен»: 1. схема. 2. единство объективной истины.

[с.] 75. Сравнение Толстого и Достоевского. Из которого видно лишь, что у Толстого рефлексия, внутренняя игра сознания личности не играет такой роли, как у Достоевского.

Да, Толстой более материалистичен, даже в нравственности. Он больше исходит из условий, из причин, поэтому у него нет в мире виноватых. У Толстого [возможно, описка: вероятно, не у Толстого, а у Достоевского] *все виноваты*, у него нравственность поворачивается больше субъективной стороной.

1. *Мы и автор тождественны*. Автора как бы нет (хотя может быть, элементы). *Объективная изобразительность*, например, предсмертные мысли героя.
2. *Автор-рассказчик* — только то, что он может знать (этого требует правда). *Мы и автор расходимся*
3. *Рассказчик, которым пользуется автор*. Элементы (3), конечно, могут быть в (2).

Мы тождественны с автором и сидим на заднем плане.

[с.] 75–76. Сравнение Достоевского с пушкинской прозой. Вообще оно не сводится [?] к введению рассказчика (ну, конечно). Там «твердый образ», здесь разрушение монологизма (т. е. ясности, единства истины, что ли?).

[с.] 78. «Бедные люди». Смысл бунта — по возмущению Девушкина против «Шинели» Гоголя — в том, что человек только сам может о себе сказать, в нем есть что-то [неразб.], и не объективно [?] может быть изображен. → Словом, Девушкин возмущен монологическим романом и предлагает тезисы [?] полифонизма! *Незавершенность* при том. Вздор — просто он не хочет быть объектом, пациентом, [объектом чужого] *сожаления*. Кому приятно? Бунт против завершенности в смысле определения [?], [неразб.] — Нет.

[с.] 78–79. Переход к «Запискам из подполья». Тут *отчасти правильно*, что герой не хочет следовать ни за кем, ни даже за самим собой (маковки), т. е. что он — *бесконечная рефлексия*. Это *социальное и психологическое* средство его борьбы. Дело *не в законченности*, не в этом суть. А *законченность есть унижение* — в этом суть. *Свобода*, но не в метафизическом смысле слова.

[с.] 79. Нельзя применить закон тождества $A=A$. Потому, якобы, что личность всегда может что-то выкомарить. Да, но выкомаривает она все же не безусловно свободно, а по известному закону.

[с.] 80. *Правда* против *справедливости* (сердце) → Будто бы правда несправедлива, когда она касается глубин *чужой* личности. Здесь это не говорится. М.б. и своей личности. Вообще речь идет о *знании* и *сердце*. Также не точен анализ случая со Снегиревым.

Достоевский о себе. Реализм и человек. Я не психолог, а изобразитель, реалист, но глубин человеческой души.

[с.] 81. Подтасованное [?] толкование эпохи у Бахтина.

[с.] 82. Но верно подчеркивание того, что Достоевский *не психолог* (т. е. что он не по-бернарски подходит к человеку) → Следовательно, речь идет о соединении реализма с нравственной постановкой вопроса. Критика психологии «бугорки в мозгу» в объяснениях Лебезятникова («Преступление и наказание»), *Бернарфы* («Братья Карамазовы») → *Проблемы вменяемости у Достоевского.*

[с.] 80. «Нерешенность и незавершенность». Как = личность (Митя) → Ну, [неразб.] можно сказать, что личность нерешена и незавершена до известной степени (а нет ли у Достоевского и *фатальности* — смотря какая личность), но сказать, что незавершенность и нерешенность образует личность героев Достоевского — ну нет! Якобы суть в *антидетерминизме*? Ну, мало.

[с.] 82–83. Автор все время настаивает на том, что «неопределенность-нерешенность» является особенностью свободы, превращая таким образом свободного человека в Буриданова осла, от которого в любую минуту можно всего ожидать. Это не совсем так — конечно, свобода заключает в себе возможность многих решений, но какого числа? — *Бесконечность*, а бесконечность вовсе не тождественна с плюрализмом, множеством. Она воплощается в *одном*. *Непосредственность* свойственна свободе, *неопределяемость* другим, *определенность* своя. → Отождествление свободы с неопределенным отрицанием = подпольная мысль. *Экзистенциализм и т. под.*

[с.] 84. *Обеществление* — главная проблема Достоевского — в условиях капитализма. Ссылка на Ермилова. Все вздоры! Не капитализм, а угнетение человека человеком и особенно именно *несвободные отношения*. И не просто *стенка*, а именно *ложное от нее освобождение, подполье* = вот проблема.

[с.] 85–86. Автор все пытается выскочить из собственной шкуры, описывая, как Достоевский изображает своих действующих лиц, как бы не изображая, и говорит о них, как бы не говоря, как будто *не определяя* их и ожидая, что они возразят.

[с.] 84. Смысл его художественной формы — вот, что дескать развеществляет[ся?] [неразб.] от того, как что-то изображено, изменяется и оно само? — Обычная *телега впереди лошади*.

[с.] 86. Автор говорит не о герое, а с героем etc., etc.

[с.] 92. Уже «*незавершенность*»

Анализ «Трех смертей» Толстого с точки зрения трех замкнутых миров, «внезаходимость», отсутствие связи между сознаниями. Блажь!

[с.] 100–101. Оказывается еще и *микродialog*, например, внутренний диалог Раскольникова, в котором все слова «двуголосые» → А если так, то это разлагает плюрализм в общую плоскость.

«Преступление и наказание». Вопрос Мармеладова: «Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда идти?» — «ибо надо, чтобы всякому человеку хотя куда-нибудь можно было пойти» (V, 51). Ср. «стенка» в «Записках из подполья»

[с.] 104. Идея у Достоевского. Нет «одноидейности общего типа». Герой — идеолог. Но идея = самосознание, правда мира неотделима от правды личности. → Все это взято общо и формула не сознания вообще, а *рефлексия* и правда мира именно от этой правды отделимы. И Достоевский дает нам все же правду мира, которая включает в себя и картину рефлексии его героев. Можно только сказать, что этот бег рефлексии не внешнее и случайное для правды мира, хотя и не сама правда.

[с.] 104. *Верное заключение* на счет того, что «личная жизнь становится своеобразно бескорыстной и принципиальной, а высшее идеологическое мышление — интимно личностным и страстным»^[203] → В духе одиноких мудрецов. Отчасти это всегда так в литературе. Здесь однако опять-таки не просто *бескорыстным* выражением идеи, а парадоксальным выражением неожиданной, но [неразб.] рефлексии.

Далее обычные нападки на монологическое мышление и обычное смешение — верное с точки зрения диалектики в этой критике и неверное — уклонение в сторону «плюрализма», отсутствия вывода (а это, между прочим, тоже вывод). Но то, что хочет уловить Бахтин, хотя все это — пленной мысли раздражение, есть то именно, что у Достоевского не вообще идея, идея о мире, а игра рефлексии в центре внимания.

[с.] 106. *Ерунда* будто *единство сознания* = идеализм, бог etc. Монизм = ругательство, идеализм все это переписано из западных источников. Далее — [с.] 106–107, развивается та же критика единства сознания (а Маркс — мыслящий разум?), релятивизм доводится до того, что понятие «ошибка» ставится под сомнение (опять смешение диалектики с релятивизмом, опять смешение правильной критики «метафизики» с критикой *истины*).

[с.] 107. Фантастические [?] рассуждения о том, что единая истина не предполагает единого сознания, «невместима в пределах одного сознания» — это уже другое.

→ И все же каждое [?] сознание выражает [?] ее всю, только криво, косо etc. и потому оно становится материалом для другого более высокого сознания. Вообще — «невместима», но все сознания всегда [?] и составляют, исправляя друг друга, сознание истинное. *Закон развития* этого истинного сознания, а не броуново движение.

[с.] 107. «Идеализм» [неразб.] знает лишь истину и заблуждение etc. Вздор: а Гегель? а Кьеркегор [?]? «Педагогический диалог», а вы хотите *диалога глухих?*

[с.] 108. Продолжение той же иррационалистической полемики против *единства разума*. В общем — отвращение европейского иррационализма и релятивизма *против монизма и объективной истины*.

[с.] 109. В литературе — значащим, понимающим является только сам автор (вместе с читателем — раз; сама *жизнь* — два, а автор часто слаб!).

[с.] 109–110. Все примеры, приводимые М. Бахтиным на господство монологической идеи (от Вольтера до «тенденциозного романа»), указывают лишь на то, что есть разница между *романом-парадигмой* и романом *жизни*, которая шире всякого замысла. Конечно, она не укладывается в монолог автора, но она сама есть *монолог*, более истинный, чем диалоги разных авторов (новое издание пресловутого спора [между] «методом» и «мировоззрением»^[204])

Что верно у Бахтина — было известно задолго до него из Белинского, Чернышевского, Добролюбова, которые в литературной критике опирались на Гегеля. Что сверх того, то не верно. Диалог, монолог — все вздор, если вопрос берется независимо от того, в чем содержание этих разговоров. Истинные монологические идеи, захватывающие [?] жизнь, как у Вольтера, лучше скверного диалога и Белинский это хорошо понимал, отдавая должное даже дидактическому жанру.

[с.] 111–112. Продолжение той же болтологии.

[с.] 112. Достоевский умел хорошо изобразить чужую идею → да потому, что он всегда изображал *свои* идеи, ему хорошо знакомые. Это его собств. [неразб.], собственное внутреннее бореие, бореие за истину — исправление ошибок. Все это он сам *пережил*.

[с.] 112–113. Ордын^[205] — все это чистый [гадкий?] Белинский

[с.] 113. Не характер, не социальный план, а лишь человек идеи. Носитель идеи не столь малоценен. Только «человек в человеке» является положительным носителем идеи.

→ Верно то, что в центре повествования у Достоевского всегда стоит *изувер идеи*, какой-нибудь мерзавец своей жизни, который этот чистый эксперимент и производит. Род «всемирно-исторической личности» в отличие от *erhaltende Individuen*^[206] — И якобы все дело в том, что он был «незавершенным и неисчерпаемым»^[207]

[На этом записи Мих. Лифшица обрываются]

7. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Я.Э. ГОЛОСОВКЕРА «ДОСТОЕВСКИЙ И КАНТ. РАЗМЫШЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ НАД РОМАНОМ “БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ” И ТРАКТАТОМ КАНТА “КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА”»

Издательство Академии наук СССР. М., 1963

[Маргиналии Мих. Лифшица свидетельствуют о том, что он не согласен с тезисом Я. Голосовкера, будто «бернарство» — это вина науки и философии (в частности, Канта и немецкой диалектики): согласно Лиф-